

АЛЬДАБРА

ЧЕРПАХА,
КОТОРАЯ
ЛЮБИЛА
ШЕКСПИРА

СИЛЬВАНА
ГАНДОЛЬФИ

КЛАССИКА
САМОКАТА

Сильвана Гандольфи
Альдабра. Черепаха,
которая любила Шекспира
Серия «Классика Самоката»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66549156

Москва; 2021

ISBN 978-5-00167-273-9

Аннотация

Эя, бабушка десятилетней Элизы, верит, что смерть можно обвести вокруг пальца – надо только в кого-нибудь перевоплотиться и жить дальше. Элиза любит свою чудаковатую бабушку, с которой ее роднит не только первая буква имени, но и увлечение искусством и Шекспиром: когда Элиза навещает бабушку, они разыгрывают и читают по ролям его пьесы, а Эя рисует картины и учит внучку мудрости.

Элиза признает, что ее бабушка немного странная и в последнее время сильно изменилась и постарела. Вот только своими тревогами ей поделиться не с кем – ведь бабушка и мама Элизы в прочной ссоре из-за давнего недопонимания и обид прошлого. Но когда бабушка Эя вдруг начинает грезить неведомой Альдаброй и меняется не по дням, а по часам, становясь всё более непохожей на себя, Элиза понимает: без

ее помощи и поддержки бабушка не сумеет воплотить свою мечту и обрести желанную свободу.

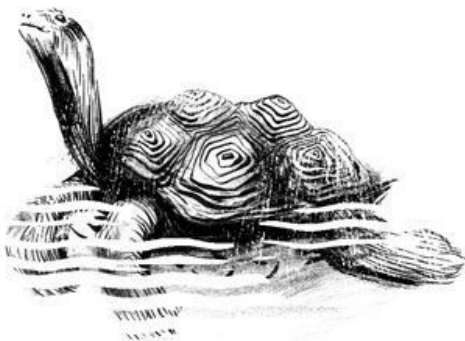
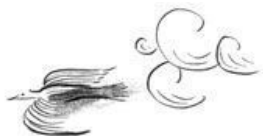
Сильвана Гандольфи (род. в 1940 году) – живой классик итальянской литературы, автор более десяти книг для детей и подростков, лауреат одной из самых престижных литературных наград – премии Андерсена 1996 года. Эта замечательная метафорическая сказка-притча учит, в первую очередь, «быть твердым снаружи, но мягким внутри» и умению принимать своих близких такими, какие они есть, пусть даже тебе многое в них не нравится. Но главное, она учит заботиться о них и защищать во что бы то ни было.

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	21
Глава третья	31
Глава четвертая	42
Глава пятая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сильвана Гандольфи Альдабра. Черепаха, которая любила Шекспира

*Донателле, моей всегдашней попутнице в
странствиях по королевствам невозможного.*

Бабушка Эя: Туловище, руки и ноги у меня толстеют, кожа становится грубой и смуглой, волосы выпадают, а спина все сгибается и сгибается... Если вы думаете, что я просто превращаюсь в дряхлую ничемную старуху, оставьте меня в покое: я должна узнать, каково это – быть твердым снаружи и мягким внутри.

Элиза: Бабушка у меня со странностями, может, даже больна. Но посоветоваться мне не с кем: с мамой приходится держать язык за зубами. Если расскажу ей, она снова упрячет бабушку в психушку.

Элизина мама: Да, это правда... Но тогда она представляла опасность для самой себя, она была... была не в себе. Надеюсь, Элиза не в нее.

Макс: Своим внушительным доисторическим видом черепаха распугала бы монстров из моих ночных кошмаров лучше любой рептилии.

Автор: Почему Венеция и Альдабра? Возможно, потому что у самого красивого города в мире и острова в Индийском океане есть кое-что общее: лагуна. А в лагунах, как известно, совершаются чудеса.

Шекспир: *Мы знаем, кто мы такие, но не знаем, кем можем стать.*

Глава первая

«Чтобы обвести смерть вокруг пальца, надо просто в кого-нибудь перевоплотиться, Элиза».

Каждый раз, шепча эту фразу, бабушка Эя буравила меня своими карими глазами. Ее легкий акцент становился более заметным, и слова звучали таинственно. Я напрягалась, точно тетива лука, сжимала губы и смотрела на нее не дыша. Мы соревновались, кто дольше выдержит взгляд.

После напряженной паузы бабушка хватала меня за руку и шепотом, отдавая ароматом плюмерии и пряностей, принималась рассказывать легенду о древнем народе на краю света, где женщины, стоило им только захотеть, могли не умирать вовсе. Они просто превращались во что-нибудь другое. В этом-то вся и хитрость: не умирать, а перевоплощаться. Штука, конечно, не из легких, но по силам каждому. Бабушка тоже однажды попробовала, но у нее не очень-то получилось. А если начистоту, «провалилось ко всем чертям». Так говорила она, усмехаясь.

– А ты во что хотела превратиться, бабушка?

– Никак не вспомню.

– Может, в сирену? – подсказывала я, вспомнив картины, которые рисовала бабушка. Очень часто на них появлялись девушки с серебристыми рыбьими хвостами, танцующие в голубых волнах.

– В сирену? Похоже на то. К сожалению, у меня ничего не получилось. Сирены... я даже не совсем уверена, что они

существуют!

Она улыбнулась, но потом опять стала серьезной.

– Понимаешь, Элиза, перевоплотиться можно только в то, с чем мы уже в глубине души сроднились.

Бабушка Эя рассказывала легенды и мифы так, будто делилась тайной за семью печатями. Чем причудливее были ее истории, тем больше хотелось им верить.

Бабушка круглый год ходила в белом. В двадцать лет она приехала в Венецию из Англии и тут же по уши влюбилась в рабочего с Арсенала, отца моей мамы. Ради него она без колебаний бросила многообещающую карьеру лондонской актрисы. Они поженились, потом дед умер, оставив ее одну с маленькой дочкой. Чтобы как-то зарабатывать на жизнь, Эя принялась рисовать изящные картинки с видами Венеции, как с коробки шоколадных конфет, и продавать их туристам. Она никогда больше не покидала этот город.

Я заходила к ней чуть ли не каждый день. От ее дома до моего полчаса быстрым шагом. До причала Челестия все шло гладко. Но, миновав причал и ступив на металлические мостки, тянущиеся вдоль высокой кирпичной стены, я ускоряла шаг. Росписи, покрывавшие старые стены Арсенала, были слишком яркими, грубыми и напоминали о войне. Поэтому, шагая по узким мосткам, я отворачивалась от них и смотрела на лагуну. Волна откатывалась, открывая узкую полоску грязи и мусора. Битые кирпичи, ржавые урны, сиденья растасканных машин, покрытые водорослями. Каза-

лось, вместе с мусором прилив может вынести все что угодно. Я внимательно вглядывалась, не сверкнет ли что-нибудь на этом странном пляже. Мой взгляд подолгу задерживался на бутылках: сквозь грязное стекло я пыталась разглядеть, что внутри. Вдруг послание? Мне ужасно хотелось явиться к бабушке с письмом от потерпевшего кораблекрушение на другом конце света. Она обожала такое.

Но спуститься вниз, чтобы заглянуть в эти бутылки, я, конечно, не решалась. Прогнивший деревянный причал чуть поодаль, у острова, на котором находилось кладбище, отбивал у меня всякую охоту. Он торчал над мутной водой, крепясь, будто пьяный, и наводил меня на странные мысли. А вдруг под пристанью в тухлых водорослях застряла голова утопленника?

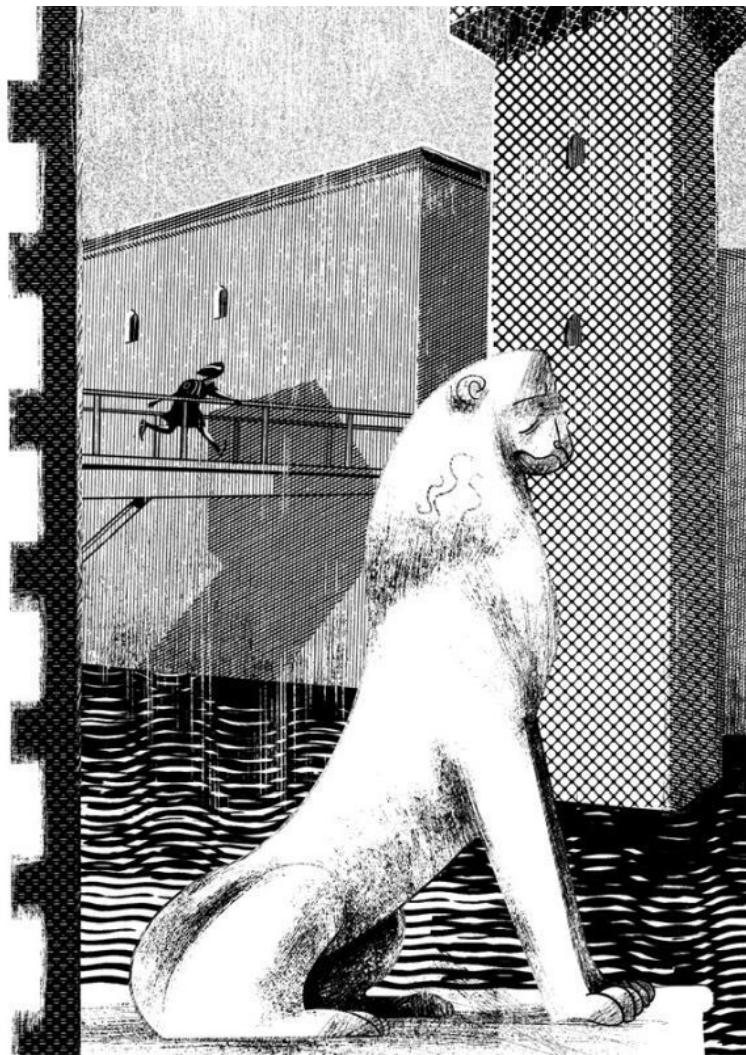
Дойдя до середины мостков, я невольно начинала бежать. Неслась мимо ангара с замурованными окнами, даже не заглянув в щели между кирпичами. Конечно, пару раз, воспользовавшись моментом, когда мимо проходили люди, я украдкой вглядывалась внутрь. В присутствии прохожих я даже осмеливалась остановиться. И, прижавшись лицом к металлической сетке, закрывавшей щели, наспех пожирала глазами ангар. Сквозь непропорционально высокий потолок лился свет, освещающий заросший травой пол. Вдоль стен выстроились таинственные каменные печи, такие гигантские, что в них легко можно зажарить целого быка.

Этот ангар был даже больше того, в котором бабушка Эя

устроила мастерскую. Еще более пустой и зловещий. Подходящее местечко для ночных собраний Ку-клукс-клана.

В тот день я не встретила прохожих, поэтому замедлила шаг, только когда в конце мостков показались выстроившиеся в ряд домишки Казармы. Среди них было несколько обитаемых, с ухоженными садиками, утопавшими в кустах роз. Но большая часть годами стояла с заколоченными окнами, а вместо роз тут росла дикая ежевика. На длинных веревках всегда сушилось белье: трусы, носки, старые негнущиеся штаны, хлопающие от ветра на фоне лагуны. Казалось, белье не снимают неделями.

Людей на улице я видела очень редко: лишь иногда кто-нибудь копошился у дома. Случалось, они приветствовали меня коротким кивком. В основном старики: детей было мало, да и те необщительны. Стоило мне посмотреть, как они играют, дети тут же без улыбки и без враждебности уходили прочь. Поэтому я решила никогда не останавливаться.

Впрочем, самая страшная часть пути была еще впереди.

Как обычно, в тот день я почувствовала себя Красной Шапочкой, которая бредет по опасному лесу к бабушке. Я тоже несла «пирожок и горшочек масла», только не в корзинке, а в пластиковой коробке. К счастью, до сих пор мне не попался ни один волк.

Как странно, подумала я тогда. Почему мама никогда меня не провожает? Не кажется ли ей, что тут опасно? Неужели она не знает, как здесь безлюдно и неудобно? Нет, в том-то и дело: она никогда не была в этих местах.

Неожиданно в голове у меня промелькнули две мысли.

Первая: у меня супербабушка. Бедная и очаровательная. От которой пахнет цветами плюмерии. Которая умеет потрясающе рассказывать истории. Которая верит всему, что ей говорят, и никогда меня не ругает. Всем бы такую бабушку.

Вторая: мама, единственная дочь, никогда не проходит по железным мосткам, чтобы навестить бабушку. А бабушка, у которой в целом свете нет других родственников, кроме нас, никогда не приходит в гости. Никогда-никогда-никогда. Даже на Рождество. И по телефону они никогда не разговаривают.

Последнее вполне понятно: у бабушки нет телефона. Но не объясняет всего остального.

Смешно: я никогда об этом не задумывалась. Я так привыкла быть Красной Шапочкой, которая одна-одинешенька

идет к бабушке. Это сейчас, когда я взрослая, я хожу сама; а раньше меня провожала одна из маминых подруг, соседок по дому. Мне это казалось обычным делом.

Так было всегда.

Сколько раз я приходила к бабушке Эе? Если считать четыре раза в неделю, а недель в году пятьдесят две, получается около двухсот раз в год. Двести помножить на десять – столько мне лет. А ведь я ходила к ней с рождения, то есть получается всего где-то две тысячи раз. Правда, надо вычесть первые месяцы после рождения, когда я была слишком маленькой для таких далеких прогулок, время, что я проболела скарлатиной, дни школьных экскурсий и каникул за городом... в общем, можно с уверенностью сказать, что я была у бабушки как минимум полторы тысячи раз. И всегда без мамы!

Но мне не казалось это странным. Может быть, если привыкнуть к чему-то странному с рождения, это перестает казаться странным. Но в тот день необъяснимое поведение мамы и бабушки занимало все мои мысли. Возможно, потому, что по дороге к Челестии я встретила Франческу (мою соседку по парте), которая шагала между своими мамой и бабушкой. Ее бабушка была очень старая, девяносто четыре года. Но они все втроем весело направлялись к универмагу за новым платьем для Франчески.

Погрузившись в размышления, я брела мимо садилов и развевающегося на ветру белья, через запущенные огороды,

заросли густой травы, крапивы и всевозможных сорняков. Какой тайный закон заставлял маму и бабушку, мать и дочь, не ходить друг к другу в гости? Я чего-то не знаю? Когда я возвращалась домой от бабушки Эи, мама всегда дотошно расспрашивала о ее здоровье. Она засыпала меня вопросами, порой обескураживающими. Например: «От нее нормально пахнет? Ты уверена, что она моется?» Она волнуется за нее. Любит. Но тогда почему они избегают друг друга?

Показалась внушительная арка в стене с гигантской надписью «АРСЕНАЛ ВЕНЕЦИЯ». Когда я прошла сквозь нее, лагуна исчезла за высоченной зубчатой, как у замка, стеной, пересекавшей весь район. Я миновала другие ангары из красных кирпичей со странными металлическими станками, выкрашенными в ярко-голубой цвет. Должно быть, кто-то на них работал, не давая им покрыться ржавчиной. Но я никогда не видела, чтобы туда входили люди.

Дойдя до таблички «ВОЕННАЯ ЗОНА», я взглянула на красный знак с перечеркнутой рукой – вход воспрещен – и повернула направо. Таблички «ОПАСНОСТЬ ОБРУШЕНИЯ» на некоторых зданиях призывали держаться от них подальше.

Я шла вперед, забыв о своем страхе Красной Шапочки в лесу, пытаюсь собрать воедино все то, на что до сих пор не обращала внимания. И вот куча необъяснимых фактов. Например, бабушка Эя никогда не упоминала о своей дочери. И дома у нее не было маминых фотографий. Ни одной. И

еще. Мои рассказы о маме она выслушивала молча, с натянутой улыбкой. А потом меняла тему.

Очень-очень-очень странно. Как я раньше не замечала всего этого?

И вот еще: почему мама всегда советовала мне говорить бабушке, что я сама, своими руками приготовила кушанья, которые ей приносила? Часто мама наспех что-нибудь стряпала, а я только украшала, правда, весьма изощренно и причудливо. Но мама всегда просила говорить, что я все-все делала сама: и месила тесто, и раскатывала, и ставила в духовку. Раньше я думала, мама хочет, чтобы я произвела впечатление на бабушку. Но теперь и это казалось странным.

Через огороды, засаженные капустой, я добралась до ворот корабельной верфи. Потом, как обычно, свернула влево и уверенно нырнула в заросли кустарника и высокой травы. Здесь пряталась тропинка: чтобы выйти на нее, надо было точно знать, куда ставить ногу. Никому бы не пришло в голову соваться в заросли крапивы высотой с четырехлетнего ребенка. Я взглянула на растущую вдоль тропинки дикую вишню. Ягоды почти созрели. Может, им осталась еще пара недель. Я хорошо знала этот вкус: до того кислый, что вяжет рот. Когда ягоды из бледно-розовых превращались в ярко-красные, я рвала их и запихивала в рот целыми пригоршнями, чтобы потом пулеметной очередью выплевывать косточки.

Метров через двадцать заросшая тропинка вдруг выходи-

ла на широкую окруженную деревьями поляну. Приближалось лето, так что лужайка была покрыта густой сочной травой. Посреди поляны возвышался маленький холмик – метра два в высоту. Трава на нем почему-то всегда оставалась ярко-зеленой, даже зимой. А в глубине был разбит огород и стоял сарай для инструментов.

Я огляделась вокруг: нет ли бабушки на улице, не копается ли она в капустных грядках в своем длинном белом платье, которое, как по волшебству, никогда не пачкается. Но в тот день ее там не было, и я пошла дальше.

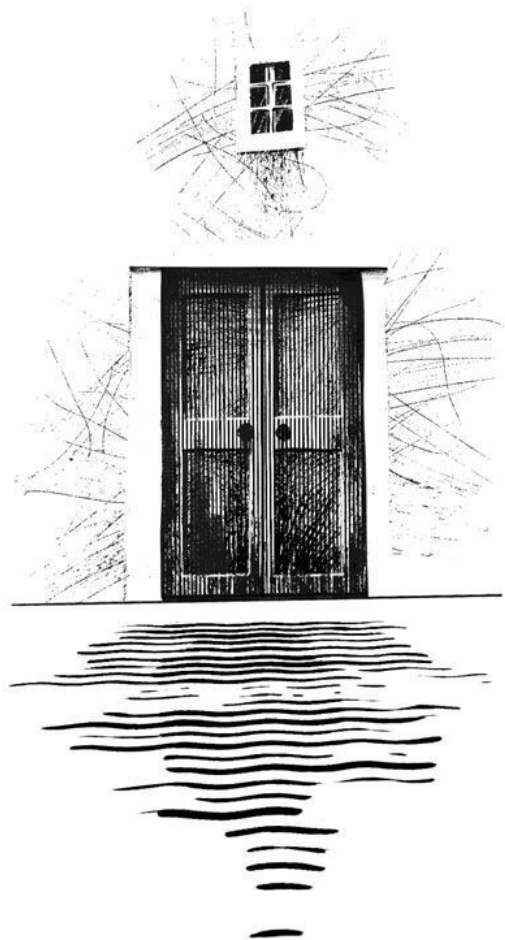
Значит, она в доме: режет на кухне овощи для своих фирменных салатов и слушает радио. Или в заброшенном ангаре рядом с домом. Это точно такой же ангар, что был у меня на пути, разве что чуть поменьше и без печей. Его бабушка оборудовала под мастерскую. Он был весь забит всевозможными кистями, тюбиками, банками с краской, водруженными на перевернутые ящики из-под фруктов. Полотна тоже стояли на перевернутых ящиках, чтобы их не затопило при наводнении. На полу теснились ведра с водой.

Я перешла лужайку, пробралась под густыми кронами деревьев и остановилась у разбитой заросшей травой лодки. Она лежала здесь, должно быть, не меньше века. В детстве я любила забираться в нее и играть в пиратов. Теперь у меня была другая игра. Медленно зажмуриваешься, не сводя глаз с лодки, пока она не расплывется в тени опущенных век. И тогда лодка поднимется над лужайкой и точно дирижабль

поплывет, покачиваясь в небе. Это чудо было под силу мне одной.

Лодка лежала прямо у двери бабушкиного дома. Деревянной двери некогда голубого цвета, опутанной плющом, ползущим вверх по водосточным трубам и скрывавшим заклеенные бумагой разбитые окна верхнего этажа. На двери никакого звонка. А как ему тут оказаться? Ведь в доме не было электричества.

Как всегда, перед тем как постучать, я посмотрела на кусочек неба над высоченной зубчатой стеной. На нем виднелась только изящная верхушка далекой колокольни. Всего лишь верхушка. И чуть в стороне – огромный подъемный кран. Вот и все, что осталось от Венеции. Город для меня исчез.

Глава вторая

Дверь открылась, и я протиснулась в крошечную прихожую, заставленную высокими резиновыми сапогами и завешенную непромокаемыми плащами.

Бабушка обняла меня и нагнулась, подставляя мягкую щеку, благоухающую, как и дыхание, пряностями и плюмерией. Ее длинные белые волосы были собраны в змеившуюся по спине густую косу, будто из белоснежной шерсти.

Поцеловав меня, она отодвинулась, чтобы получше рассмотреть. На лице появилось недоумение.

– Элиза, что это у тебя за пузо?

Я опустила глаза на джинсы. Действительно, живот заметно вздулся. Я состроила гримасу раскаяния.

– Уже видно? Тебе-то я могу рассказать... Понимаешь, у меня неприятности... я беременна, бабушка!

На какую-то долю секунды бабушкины зрачки расширились. Ей можно было наплести все что угодно: она всему верила.

Но мне не хотелось, чтобы бабушка хлопнулась в обморок. Поэтому я сунула руку за пояс и принялась разворачивать изрядно помявшийся подол тонкой белой рубашки.

– Это ночная рубашка, бабушка. Я надела ее под джинсы и теперь могу играть Офелию, не тратя время на переодевания.

Я опустила полы рубашки поверх джинсов. Она была такая длинная, что доставала до пят.

– Какое облегчение, что ты не ждешь ребенка в десять лет! – Бабушка нарочито громко рассмеялась. Потом добавила:

– Теперь мы одеты одинаково.

Действительно, ее белое платье напоминало ночную рубашку.

– Мне нужен еще розмарин. И фиалки, – сказала я, слегка разочарованная ее фальшивым смехом. Она ни капельки не испугалась. Бабушка повернулась, пошла на кухню и вынула из синей вазы букетик полевых цветов и душистых трав.

– Эти подойдут?

– М-м. Отлично.

Я прошла за ней в большую кухню. На полках среди свечек и банок с кофе и мукой поблескивало множество безделушек. На газовой плите сверкали начищенные до блеска горелки. Деревянный стол был накрыт голубой скатертью, скрывавшей въевшиеся следы от стаканов. По стенам висели календари десятилетней давности и несколько картинок: эльфы, око Хора и ангелы с громадными крыльями – творчество бабушки Эи. На окне, защищая дом от посторонних глаз, висела пожелтевшая кружевная занавеска.

Из радио на полке доносилась тихая оперная музыка.

Я всегда считала, что бабушкина кухня точь-в-точь как в английских коттеджах: битком набита ценными вещичками. Можно было спокойно их трогать, не действуя никому на нервы.

Я поставила на стол пластиковую коробку:

– Это тебе.

– Что это?

– Пудинг с анчоусами.

– С выглядывающими головками рыбок, как я люблю?

– Ага.

– Ты сама приготовила?

Это был риторический вопрос, потому что каждый раз без исключения я выпаливала в ответ: «Конечно, бабушка Эя. Твоя дорогая внучка своими золотыми ручками».

В тот день я на самом деле приготовила пудинг сама. Маме и в голову не пришло бы напичкать его каперсами, орехами и изюмом. Там было больше кедровых орешков, чем анчоусов. К тому же я воткнула сверху рыбок с крошечными открытыми ртами. Будто они всплывают над пудингом, как над гладью озера.

– Честно говоря, я сегодня не успела, – соврала я, поддавшись внезапному порыву.

– И кто же это приготовил?

– Мама.

Бабушка, которая протянула было руку к коробке, отпрянула как ошпаренная. На мгновение она словно одеревенела: огромная деревянная кукла в белом платье.

Голосом, который даже мне самой казался фальшивым, я попыталась оправдаться:

– Нам задали много уроков...

– Я не могу это есть. Забери обратно.

– Но мама отлично готовит! Гораздо лучше меня! Я от-
вернулась, чтобы поставить чайник. Но успела заметить, как
губы ее скривились в неприятной гримасе. Моя добрейшая
бабушка со злой ухмылкой. Я почувствовала себя виноватой.
Но нельзя же было спросить: «Бабушка, вы с мамой что, друг
друга ненавидите?» Как можно такое спрашивать? Я не зна-
ла, что делать дальше. Бабушка молчала, враждебно выпря-
мив спину. Как мне хотелось вернуть все обратно. Я завела
разговор о водорослях, которые в этом году уже начинают
наводнять лагуну. Такая гадость! В ее молодости тоже были
водоросли? И так далее: ля-ля-тополя. Я уже не могла оста-
новиться:

хотелось раскрыть их секрет. Бабушка заулыбалась еще шире:

– Пей чай. Знаешь, Валентина снова приходила. Валентина – это розовая зайчиха, которая время от времени появлялась на лужайке перед домом. Бабушка Эя говорила, что она каждый раз оставляет для меня подарочек. Я никогда ее не видела, но подарочки были настоящими: деревянная шкатулка, ручка со старинным пером, крошечная мышка из синего стекла. Надо было только выкопать их из-под разбитой лодки.

Покончив с печеньем, я на глазах у бабушки съела весь пудинг. У меня не хватало духа отнести его обратно домой. Потом мы вышли на улицу, и я, заправив ночную рубашку в джинсы, принялась искать клад. Я откопала закрученную ракушку, пальцем счистила с нее землю: она оказалась целехонька, внутри бледно-розовая, такая изысканная.

Вернувшись на кухню, я до блеска отмыла ракушку, выпустила ночную рубашку поверх джинсов, взяла цветы и велела бабушке отойти в угол:

– Ты за короля и говоришь:

*«Как поживаете, мое дитя?»*¹ – *Как поживаете, мое дитя?* – спросила бабушка басом.

– *Хорошо, спасибо! Говорят, у совы отец был хлебник...* – в одной руке я сжимала цветы, а другой, с ракушкой, размахивала из стороны в сторону, – *Господи... Господи...*

¹ Здесь и далее в переводе М. Лозинского (Прим. ред.).

– *Господи, мы знаем, кто мы такие, знаем, чем можем стать,* – подсказал мне король.

Я повторила эту фразу с выражением и проскочила целый кусок.

– *Вот розмарин, это для воспоминания,* – я принялась декламировать в раковину, держа ее перед собой, как микрофон. Еще один кусок.

– *А вот трюфль цвет, это для дум. Вот укроп для вас и голубки...*

Я воодушевленно продолжала, ракушка металась вверх-вниз, потому что мне приходилось разбрасывать по полу бабушкины цветы. Я была Офелией – душевнобольной.

– *И он не вернется к нам? И он не вернется к нам? Нет, его уже нет,* – начала напевать я, чуть не плача.

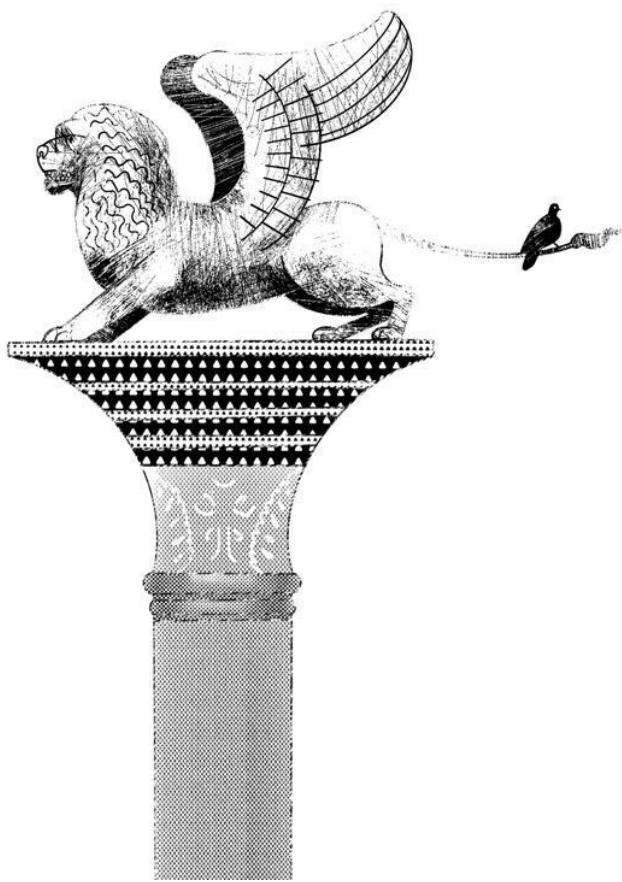
А потом бросилась в объятия бабушки, хотя Офелия так не делала.

Бабушка Эя заплодировала.

– Просто великолепно! Ты станешь великой актрисой, Элиза. – Глаза у нее сверкали. – В молодости из меня тоже получалась неплохая Офелия. Я всегда питала слабость к этому персонажу, но ты вложила в него нечто большее, говорю тебе как человек, который кое-что в этом смыслит. Поцелуй меня еще раз. А теперь не хочешь ли послушать свою старую бабушку?

Я охотно согласилась. Бабушка Эя схватила чайник и прижала его к груди, изображая, что это череп Йорика. Так на-

чался монолог Гамлета. Я слушала с открытым ртом.

Глава третья

Вернувшись домой, я напрямиком направилась в свою комнату, чтобы избавиться от живота до маминого возвращения с работы. Пусть лучше не знает, что я выходила на улицу в ночной рубашке.

Мама не переваривала чудачества. Любые чудачества. Если я сочиняла что-нибудь смешное, она пристально смотрела на меня с озабоченной полуулыбкой. А если придуривалась, например, строя забавные рожи перед зеркалом, мама хмурилась и молча окидывала меня испытывающим взглядом. При этом она делала вид, что хлопчет по дому, но, судя по ее механическим и рассеянным движениям, мама по-прежнему наблюдала за мной. Тогда я поскорее переставала гримасничать.

Я знала, почему мама такая невеселая: женщины, которые рано вдовеют, всегда грустные. Когда умер папа, мне был год. В доме повсюду были развешаны его фотографии, поэтому он казался слишком большим. Возникало чувство, будто эти старые темные портреты поглощают цвета мебели, стен, наших лиц. Будто мы с мамой две безмолвные рыбы, плавающие в аквариуме.

Я не спеша переоделась. Мамин киоск закрывался в полвосьмого, так что до ее возвращения домой еще оставалось время. Я всегда смутно догадывалась о существовании какой-то семейной тайны – скелет в шкафу, как пишут в романах, – и начала выдумывать историю о незаконных детях

и секретных сговорах. Кто-то запретил бабушке видеться со своей дочерью, потому что... Потому что иначе... Что иначе? Конец никак не придумывался. Вспомнились вопросы, которыми меня засыпала мама, когда я возвращалась от бабушки. У бабушки достаточно тепло? Она не забывает выключить плиту? Как она была одета? Она ест? Что она ест? У нее усталый вид?

До сих пор я всегда старалась отвечать как можно более развернуто. Когда темнеет, бабушка зажигает свечи, ведь электричества в доме нет. Это из экономии, хоть бабушка и покупает дорогие свечи из пчелиного воска. В доме очень чисто – хоть с полу ешь. Бабушка всегда ходит в белом, потому что это самый чистый цвет на земле. У нее потрясающий огород: на нем растет все что хочешь.

Мама внимательно меня слушала, ловя каждое мое слово. Но о полотнах в ангаре, которые бабушка Эя недавно закончила, я маме не рассказывала. Я имею в виду не те картинки, которые она время от времени малюет для туристов. Нет. А те настоящие полотна, которые бабушка пишет для себя и не собирается продавать. Опиши я их, мама непременно бы встревожилась: было в них что-то чрезмерное.

В тот вечер мама, накрыв на стол, начала обычные расспросы.

– Как бабушка? Она не забыла получить пенсию?

Начинается!

– Бабушка прекрасно себя чувствует! – взорвалась я. – У

нее пока не отшибло память!

– Слава богу. – Неуверенная улыбка. – Было бы досадно, если...

– Она может отлично позаботиться о себе сама. Получше нас с тобой. Ей никто не нужен.

Я слышала собственный агрессивный тон, как будто это говорил кто-то другой.

– А что? Она на что-то жаловалась? – Мама продолжала мешать ложкой суп в тарелке. Прядь волос падала ей на глаза, но она и не пыталась убрать ее.

Сейчас я прямо видела этот СЕКРЕТ: огромный мутный пузырь, повисший в воздухе между нами. Он застилал глаза, мешая нам с мамой взглянуть друг на друга. Я открыла рот, чтобы извергнуть поток острых, как иглы, слов. Хотелось как можно скорее лопнуть этот пузырь.

– Мама, почему ты не наведишь бабушку, если так хочешь знать, как она поживает? Почему ты никогда к ней не ходишь? Она же не на Северном полюсе живет, – сказала я тихо.

Мама перестала мешать суп. Она удивилась, расстроилась, смутилась или еще не знаю что. В общем, я решила, что своими иглами пронзила не пузырь-секрет, а собственную мать, прямо в сердце. Я отвела глаза.

– Она тебе рассказала.

Это не был вопрос.

– Бабушка все тебе рассказала, да?

Я услышала, как дрогнул ее голос. Это было невыносимо. Я смотрела, как она ищет сигареты, спички, прикуривает, лихорадочно затягивается.

– Нет, мама. Бабушка Эя сказала, что ты должна мне все рассказать. Она не захотела есть пудинг, потому что... Потому что...

– Потому что решила, что его приготовила я? – прошептала мама, не вынимая сигареты изо рта.

– Да.

Мама заплакала. Молча, не навзрыд. Слезы катились медленно, а не брызгали фонтаном, как у меня.

Я встала и зарылась маме в колени. Обняла ее. Она быстро успокоилась и крепко прижала меня к себе. Потом отодвинула стул, чтобы я могла устроиться у нее на руках, как в детстве. Правда, в детстве плакала я, а мама успокаивала.

– Мне уже десять. У меня своя голова на плечах. Я все могу понять.

– Я знаю, – она прижалась ко мне. – Дело в том... Она начала меня качать, еле-еле покачивать. – Я должна была давно тебе все рассказать.

– Сделай это сейчас. Ну пожалуйста.

Я отогнала рукой дым.

Мама глубоко вздохнула – как ныряльщик, который готовится к прыжку.

– Элиза, ты всегда знала бабушку спокойной. Но много лет назад, когда ты еще не родилась, однажды вдруг....

Я выпрямилась, чтобы видеть ее лицо. Мама говорила с закрытыми глазами, напрочь забыв о сигарете.

– Бабушка Эя жила в квартире под нами, одна. Как понимаешь, мы виделись очень часто. Но однажды бабушку не было видно несколько часов. Тогда я спустилась к ней и обнаружила, что она стоит неподвижно у окна, а в руках у нее чайник. Она смотрела на него так растерянно, будто не знала, что это такое. Когда я заговорила с ней, она не ответила. Бабушка ничего не узнавала. Брала в руку туфлю и не понимала, что с ней делать. Или стул. Ни с того ни с сего. С каждым днем становилось все хуже. Она видела вещи, которых на самом деле не было. Она не узнавала людей. Она постоянно терялась. Мы находили ее очень далеко от дома, падающую с ног от усталости. Я уговорила ее перебраться жить к нам, но это продолжалось недолго, твой отец испугался, потому что она стала опасной. Понимаешь, Элиза?

– Опасной? Как это?

– Опасной для себя самой. Она не выключала воду и заливала квартиру. Однажды выпила залпом флакон туалетной воды «Дикая свежесть». После этого, стоило ей открыть рот, оттуда вырывалось благоухающее облачко. – Мама затушила окурок о тарелку.

– И сейчас тоже.

– Что?

– У нее изо рта пахнет пряностями и плюмерией.

– До сих пор? Ты мне никогда не рассказывала!

– Ты меня никогда не спрашивала.

– Короче, опасные чудачества на этом не закончились. В конце концов она чуть не сделала нечто ужасное... Мы увидели, как она свешивается с балкона, размахивая руками, будто крыльями. Понимаешь? Мы едва успели ее удержать. Ей нельзя было оставаться дома: одна жить она не могла. И тогда я подписала бумаги.

– Бумаги?

– Бумаги, чтобы поместить ее в лечебницу. Я не знала, что делать.

– Ты хочешь сказать, в психушку? Бабушка лежала в психушке?

– Это единственное место, где ей могли помочь. Врачи поставили диагноз «шизофрения». Я приходила навещать ее, но она не желала меня видеть. Стоило мне появиться, она

приходила в ярость. Потому что знала: это я подписала бумаги для лечебницы. Знала и то, что без моей подписи они не могли ее заставить там жить.

– Она не хотела там жить?

– Конечно, нет.

– Зачем же ты ее там держала? Бабушка отлично себя чувствует! Я вижу ее каждый божий день. Она не сумасшедшая!

– До того как попала в лечебницу, была. Там с ней что-то сделали, ее вылечили. Бабушка пролежала там почти четыре года. Когда ее выписали, она уже не захотела вернуться в свой дом рядом с нами. Как вдове служащего Арсенала, коммуна выделила ей жилье на Челестии, где она живет до сих пор. Мне рассказали, это просто лачуга, и я хотела найти ей что-нибудь получше. Но она отказалась. Чтобы проверить, все ли в порядке, я подсылала к бабушке своих подруг. Со мной она разговаривать не желала. А в диагнозе врачи ошиблись. Это была не настоящая шизофрения. Но меня предупредили: нужно ограждать ее от сильных волнений. Чтобы избежать рецидива.

– Поэтому ты никогда не ходила со мной?

– Я боялась, она перенервничает. В лечебнице, едва завидев меня, бабушка впадала в истерику. Но родилась ты, и я подумала, она захочет познакомиться со своей внучкой. Я назвала тебя Элизой: ведь это имя начинается на ту же букву, что и ее. Просила разных людей отводить тебя к ней. Даже когда ты была совсем малюткой. Она очень радовалась,

когда ты приходила, это все говорили. А мне пришлось научиться жить без нее.

– Без мамы, – прошептала я.

– Без мамы.

Теперь я тоже сидела, закрыв глаза. Будто в полусне. Не знаю, сколько времени мы просидели так молча, убаюкивая друг друга. Потом мама снова заговорила.

– Очень важно, чтобы ты к ней ходила. Не только потому, что это доставляет ей радость. Ведь только так я могу убедиться, что с ней все в порядке... Если ты заметишь что-нибудь странное в ее поведении, ты же мне расскажешь, правда? Например, если она выкинет что-нибудь необычное... Будешь следить за этим?

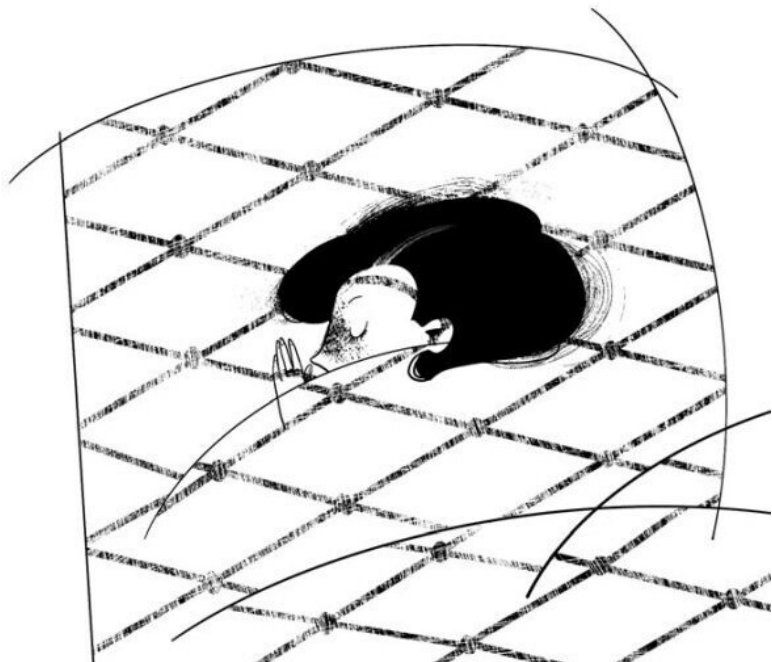
– М-м.

– Обещаешь?

В ответ раздалось только «хр-р-р».

Я впервые в жизни притворилась спящей, будто меня сморил сон прямо у мамы на коленях. Отвечать мне не хотелось. И обещать тоже. Это все равно, как если бы мама просила меня шпионить. Предать бабушку. Конечно, все это ей во благо, но я чувствовала, как что-то во мне сопротивляется.

Потом я, видимо, и правда уснула и проснулась уже в своей кровати от светящего в окно солнца.

Глава четвертая

Я снова стояла перед облупившейся деревянной дверью. Бабушка Эя открыла дверь, бросила на меня пытливый взгляд и спросила:

– Куда пойдём? В такую чудную погоду нечего сидеть взаперти.

Я серьёзно кивнула. Я понимала, что это значит. Бабушка любила большие пространства и величественные пейзажи – так ей проще было откровенничать.

– Давай на пляж Лидо, – предложила я. Стоял жаркий май, и бескрайнее море могло поглотить наши тайны.

– На Лидо? – Она вся засветилась и прижала руку к голове, как всегда в моменты волнения. Это был особый способ выражения радости: приподнять локоть и прижать ладонь к макушке. Потом она опустила руку и покачала головой.

– Ничего не получится. Мы потратим слишком много времени на дорогу, а тебе к половине восьмого надо быть дома. Может, поднимемся на колокольню Сан-Марко?

– Бабушка, но там же наверняка толпы туристов!

– Ты права. Куда же нам пойти?

Действительно, куда? Я кусала губы, пытаюсь придумать подходящее место.

– Давай так, – предложила бабушка Эя. – Мы отойдем немного. Потом я закрою глаза и возьму тебя за руку. А ты поведешь меня, как слепую, описывая все, что видишь вокруг. Если тебе удастся заинтересовать меня настолько, что

я не выдержу и открою глаза, наступит моя очередь вести. И так до тех пор, пока я не найду подходящее место. Тогда я скажу тебе открыть глаза, и мы остановимся. Нравится тебе такая игра?

Мне понравилось – так я ей и сказала. У меня мелькнула мысль, не показалось бы маме такое предложение необычным.

Когда мы отошли достаточно далеко, чтобы не встретить знакомых, бабушка закрыла глаза. Я крепко взяла ее за левую руку и велела держаться поближе ко мне. Грубая, шершавая и холодная рука. Бабушка шла медленно, тяжело. Я увлеченно разглядывала ее исподтишка. Глубокие выразительные морщины вокруг глаз, плотно сжатые жесткие губы. Это лицо показалось мне голым и старым, уязвимым.

Когда мы шли вдоль каналов, я следила, чтобы бабушка, не дай бог, не свалилась в воду. Описывая все вокруг, я так увлеклась, что даже забыла, зачем мы ищем спокойное и открытое место.

– Мы на очень узкой прямой улочке. Я вижу развешанные желтые простыни, красную скатерть и белую пижаму... Старушку, которая высунулась из окна и смотрит на нас... Теперь поворачиваем... Тут колодец, скамейка... Мы на маленькой площади. Теперь подходим к арке. Я вижу дикобраза...

– Наверное, тот дикобраз с фамильного герба, – пробормотала бабушка, не открывая глаз. – Над аркой. Я его помню.

– Я вижу двух детей, серую кошку, открытое окно... я вижу ананас!

– Ананас? На гербах не бывает никаких ананасов! – Бабушка остановилась и открыла глаза. Мы стояли перед лотком с фруктами.

– Я победила! Теперь моя очередь.

Я зажмурилась и почувствовала, как бабушка крепко стиснула мои пальцы своей холодной рукой.

– Готова? – спросила она.

– Готова!

Не открою глаза ни за какие коврижки.

С минуту мы шагали молча. Странное это ощущение – продвигаться в темноте, вслепую. Первые несколько шагов я шла на негнущихся, как у Буратино, ногах, плотно прижавшись к бабушке. Но потом расслабилась: не уронит же она меня в канал.

– Ступенька, – сказала она. – Еще одна. И еще.

Я поняла, что мы на мостике. Наверху она остановилась. Я тоже встала, все еще с закрытыми глазами.

– Смотри, смотри, – удивленно воскликнула бабушка. – Что это? В канале, прямо под нами: похоже на огромную рыбину. Вон она плывет под водой, а теперь вынырнула! Да это же дельфин!

– Бабушка, не жульничай! – усмехнулась я, не открывая глаз.

– Я забыла рассказать тебе одно важное правило игры: тот,

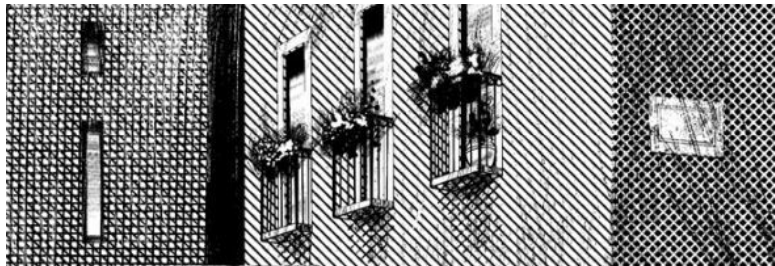
кто с закрытыми глазами, не может оспаривать слова ведущего. Он должен верить ему во что бы то ни стало.

Она двинулась дальше, слегка прибавив шагу.

– Ступенька вниз. Вторая. Третья.

Мы спускались с моста. Бабушка описывала арки, выглядывавшие из-за стен домов деревья, людей, магазины.

– Мы вышли на площадь. На земле лежит шелковый ковер. Огромный голубой ковер, расшитый золотым. Сейчас мы на него наступим!

Мы остановились. Я замерла в нерешительности. Шаркнув ногой, я нащупала под ботинком что-то мягкое. Неужели мы и правда идем по ковру? Я открыла глаза.

– Это же пляжная подстилка! Она упала сверху, вон с той веревки, – возмутилась я.

Бабушка пожала плечами:

– Ничего не знаю. Теперь моя очередь!

Теперь я поняла, как играть в эту игру. Мы переходили каналы, покрытые глыбами льда. На веревках вместо белья сушились стотысячные купюры. Львенок пил воду из колодца. Бабушка Эя не сдавалась и выспрашивала детали, вдаваясь в мельчайшие подробности, ни разу не открыв глаза.

Пройдя очередной мост, с которого я увидела, как по каналу проплывает гондола, набитая дикими зверями, этакий Ноев ковчег в миниатюре, я поняла, что устала. Мы были у собора Сан-Пьетро в районе Каstellо. Там на пустынной площадке перед церковью стояли скамейки. Ни слова не говоря, я подвела к ним бабушку.

– Ты можешь открыть глаза, – заявила я, усевшись на скамейку.

Так она и сделала.

– Знаешь, как называется эта игра? – улыбнулась она мне.

– Как?

– Игра в доверие. О-па, черепаховый гребень! Она наклонилась и подняла с земли старую расческу со сломанными

зубьями. У нее остались только два боковых широких зубчика и один посредине. Бабушка перевернула его вертикально, повернув зубьями на восток.

– Похоже на букву «Э», – заметила она.

– Первая буква наших имен.

– Подумать только, что когда-то эта расческа была частью какого-то живого существа, жившего неизвестно где. – Она медленно провела по гребню рукой, осторожно стирая пыль. Коричневый узор заблестел под ее пальцами. – Неизвестно где...

– Бабушка, прошу тебя, сядь. Нам надо поговорить.

Она послушалась, запихнув сломанный гребень в глубокий карман своего белого платья.

Какое-то время мы молча рассматривали лодки, пришвартованные на канале перед нами: рыбачьи лодки и торговые суденышки с облупившейся краской. И ни одной гондолы. Лодки мирно покачивались на воде вместе со своим отражением. Здесь было просторно и свежо.

– Мама рассказала мне про клинику, – еле слышно сказала я.

– Это было так давно. – Бабушка Эя смотрела прямо перед собой, глаза ее блуждали по каналу и по стене напротив. – Я так никогда толком и не поняла, как это началось... Когда я перестала узнавать вещи и все такое. Я только знаю, что это была попытка перевоплотиться, чтобы избежать смерти... Я говорю не о физической смерти, знаешь, люди могут уми-

рать по-разному... Я помню тот день как вчера: меня увозят на лодке скорой помощи. Я кричу и вырываюсь на глазах собственной дочери.

Она встряхнула головой, как будто прогоняя эту картинку.

– Жизнь в клинике была кошмаром. Они не хотели, чтобы я перевоплощалась. Ни за что! Там и речи быть не может о каких-то перевоплощениях. Меня заставляли вернуться обратно, к моему прежнему «я». Поначалу я сопротивлялась, но потом... Ах, это было так жестоко. Знаешь, что такое электрошок?

Я молча кивнула.

Бабушка Эя вытащила из кармана расческу и принялась рассеянно теребить ее в руках.

– И не только это. Врачи были равнодушны и посвящали больным ничтожно мало времени. Это просто смешно: две минуты на больного – и следующий... и абсурдные правила. Это был ужас. Ужас. Чтобы выбраться оттуда, я сделала то, что они хотели: я стала той, кем была раньше.

Бабушка замолчала. Она уставилась на расческу, но я понимала, что она ее не видит. Она с головой ушла в прошлое. Потом, видимо, какая-то мысль ее успокоила. Она снова заговорила.

– В клинике у меня были друзья. Тоже сумасшедшие. Каждый что-нибудь искал. Как там у Шекспира? «Мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать». Умалишенные

– это люди, которые мечутся в смятении, пытаюсь превратиться в то, чем могут стать, понимаешь?

Я кивнула, хотя вовсе не была уверена, что поняла.

Бабушка Эя продолжала свой рассказ.

– Время исчезло, я уже не отличала день от ночи. Да это было и неважно. Потом наконец-то один врач подсунул мне краски. Я начала рисовать. Но не слащавые картинки, как раньше. Ведь до того момента я всю жизнь малевала картинки, которые нравились другим, только чтобы заработать денег. В тот день я начала рисовать то, что нравится мне самой. Так что, видишь, во всей этой истории, случившейся в результате моей попытки перевоплотиться, которую врачи посчитали сумасшествием, оказались свои плюсы. Но я не могу простить свою дочь. Ни одно живое существо не имеет права лишиться свободы другое. Никогда и ни за что.

– Мама за тебя волновалась. – Я чувствовала необходимость оправдать маму. Мне не нравилось представлять ее в роли тюремщика.

– Для нее любое чудачество опасно. Она бы и сейчас упекла меня в психушку, если бы сочла необходимым. Поэтому я предпочитаю держаться от нее подальше.

Мне нечего было возразить: я слишком хорошо знала, что это правда.

– Если меня снова уложат в клинику, думаю, я погибну на второй или третий день.

Она произнесла эти слова спокойным тоном, так, будто

это вопрос решенный. До меня не сразу дошел смысл сказанного. Ее слова отдавались в ушах как пустой звук.

Потом на глаза у меня навернулись слезы.

– Умру, – прошептала она.

– Но тебя больше никогда не положат в больницу! – воскликнула я, обнимая ее покрепче, чтобы не дать договорить. У меня было такое чувство, будто бабушка Эя сказала что-то неприличное. – Ты не сумасшедшая!

Прижавшись к ней лицом, я чувствовала ее прyanое дыхание. Я вспомнила про флакон туалетной воды «Дикая свежесть», который много лет назад она цедила, как коктейль.

– Ах так? А если я скажу тебе, что вижу гигантских медуз, которые плавают вон под теми лодками?

– Где?

– Там, внизу... Их уже не видно. Они нырнули слишком глубоко. Пошли ко дну.

– Я видела их! Я успела разглядеть их до того, как они исчезли. Бабушка, я их видела! – Я изо всех сил тарасила глаза, чтобы показать, как я взволнована. – Честное слово! Честное слово! Они были как голубое желе с щупальцами! Правда, я их тоже видела!

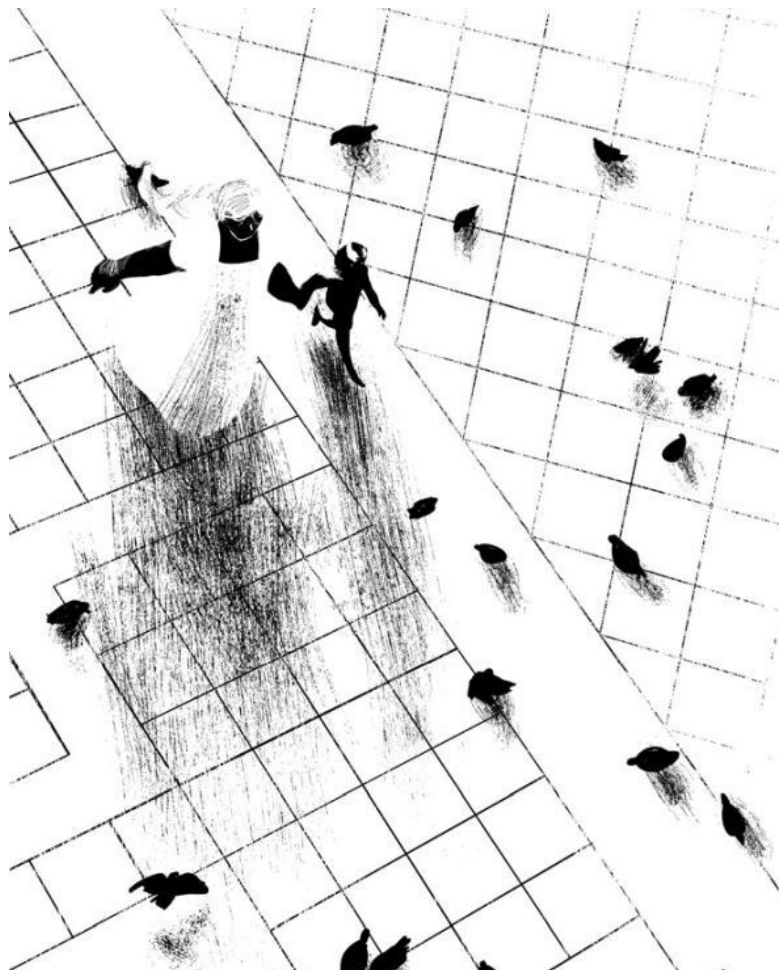
Она чмокнула меня в щеку.

– Спасибо, Элиза, – она вздохнула. – За одно я благодарна твоей маме.

– За что?

– Что она отпускает тебя ко мне.

Глава пятая

Игра в доверие запомнилась мне хорошо: тогда я в последний раз видела бабушку Эю такой как обычно.

В следующий раз я пришла к ней только через несколько дней. Если я правильно помню, через пять дней. Конец учебного года был на носу, мне предстояли экзамены в шестой класс. Не то чтобы я их очень боялась, но овладевшая классом нервозность заставляла меня больше заниматься: целыми днями я просиживала за уроками одна дома или у Франчески. Наконец наступила суббота, и я отправилась на Челестию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.